

Марк Аспеллий

К СЕБЕ
САМОМУ

Марк Аврелий Антонин

К себе самому

«ИП Карелин»

Антонин М.

К себе самому / М. Антонин — «ИП Карелин»,

Книга римского императора и философа Марка Аврелия (121–180 гг.) — не просто мысли, обращенные к себе самому, но путь к себе, восхождение к тому идеальному образцу, по которому сотворен каждый человек. Новый перевод и комментарий придают труду знаменитого «философа на троне» дополнительную ценность.

© Антонин М.

© ИП Карелин

Содержание

Человек в восприятии марка аврелия	5
К себе самому	12
Книга I	12
Книга II	18
Книга III	23
Книга IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марк Аврелий К себе самому

Человек в восприятии марка аврелия

Книга римского императора и философа Марка Аврелия (121–180 н. э.) называется «Τὰ εἰς ἑαυτὸν». Буквально это название переводится как «То, что обращено к себе самому». Но в действительности эта книга – не просто мысли, обращенные к себе самому, а это *путь* к себе самому, восхождение к тому идеальному образцу, по которому сотворен ты сам и человек вообще, потому что во всех людях этот образец один и тот же. В начале этого пути – благодарность тем, кому Марк Аврелий обязан тем, что он живет, т. е. предкам и родителям, а также благодарность тем, кому он обязан тем, что живет *достойно*, а не просто живет, т. е. воспитателям и учителям. А в конце этого пути – благодарность тому, кто привел его в этот мир и вот теперь уводит, сделав благосклонным ко всем и ко всему. «Потому что и отпускающий тебя благосклонен», – такими словами заканчивается последняя, 12-я книга. И закрываешь ее с ощущением, что ее автор, организовав свою душу по законам мировой гармонии, вернулся к источнику своей жизни, к мировому разуму, став таким же благосклонным, как и он.

Читая эту книгу, трудно отделаться от впечатления, что в лице Марка Аврелия этот мировой разум разглядывает его самого, тебя и всех нас, но не презрительно и снисходительно, а именно благосклонно. И чувствуешь, как сильно этот бог древних греков и римлян отличается от мстительного и ревнивого библейского бога, который за хорошее поведение при жизни сулит тебе персональную келью в раю после смерти (видение протопопы Аввакума), а за плохое грозит вечными посмертными муками в геенне огненной (как будто их на земле мало!) и все время занимается нравственной дискриминацией людей, деля существ, принадлежащих к одному и тому же роду, на званых и избранных, на пшеницу и плевелы, на козлиц и овец с прозрачным намеком, что тот, кто уверует в него и будет жить по его программе, – избранный и пшеница, а кто нет, тот сорняк и козел! Марк Аврелий и тот бог, от имени которого он говорит, относится к людям куда более терпимо и не требует от них того, на что они по слабости человеческой природы не способны. Мало того, он считает, что порок в мире так же необходим, как и добродетель, хотя для человека лучше предпочесть последнюю. О тех, которые предпочитают порок, он говорит без гнева и миролюбиво, замечая однажды: «Ведь и в таком нуждается мир». Читая записки Марка Аврелия, чувствуешь, что не так уж и страшно это царство римского кесаря, как нас пытались уверить христианские богословы вроде Августина Блаженного, потому что дай бог всякому государству иметь такого мудрого кесаря, каким был Марк Аврелий.

Конечно, создать в этом мире государство по образцу идеального государства Платона невозможно, но опыт Марка Аврелия показывает, что в себе самом такое государство организовать можно. Разум должен играть роль царя в этом внутреннем государстве, и недаром о неразумном человеке говорят «без царя в голове». Царь же или император является воплощением разума во внешнем государстве, и Марк Аврелий как император был именно воплощением государственного разума. Он отличался кротостью и справедливостью, и, хотя при нем были гонения на христиан, он не был, да и не мог быть по своей природе, их инициатором. Но, отличаясь кротостью и справедливостью, Марк Аврелий, тем не менее, когда возникала опасность перед вверенным ему государством, действовал твердо и решительно и большую часть времени своего правления провел на западных границах империи. 13 лет он вел войну с германскими племенами квадов и маркоманов, которая то затухала, то вспыхивала с новой

силой и продолжалась до самой его смерти. В перерыве между военными действиями он посетил Восток, где подавил мятеж Авидия Кассия, одного из своих полководцев. При этом вести военные действия и поддерживать порядок в империи ему было крайне трудно, так как он не отличался крепким здоровьем. Живя такой нелегкой жизнью, он обратился к философии и своими размышлениями, которые составляют эту книгу, доказал, что он не только как император, но и как философ был воплощением этого царственного разума, который он имел прежде всего в себе самом и которому все время старался следовать. Философия и жизнь этого человека образуют удивительное единство именно потому, что он всегда ощущал себя лишь каплей в океане мирового разума, которая после смерти вольется в океан. Но Марк Аврелий уже и при жизни действовал слитно с ним как часть целого и обособление от целого считал самым великим злом. Многие обращают внимание на то, что, притом что книга его мудра, сам он был некрасив и имел мелкие, невыразительные черты лица. Но в том-то все и дело, что он даже внешне похож на муравья, который созидает порядок в муравейнике, действуя в общих, а не в своих собственных интересах, и самопознание и самовоспитание нужно было ему лишь для того, чтобы правильно и наилучшим образом работать на благо этого муравейника и не выбиваться из ритма общей работы. Судите сами, какой высокой и мудрой была душа этого римского муравья, если даже высшая власть не смогла ее испортить, потому что Сократ, как всегда, прав, когда говорит в «Горгии», что из людей более всего трудно удержаться от совершения несправедливостей тому, кто имеет право делать все, что ему заблагорассудится, то есть единоличному правителю. Но Марк Аврелий обладал способностью самоотречения и, в сущности, ничем не отличался от христианских святых, так как всю жизнь действовал не во имя свое. Но в отличие от христианских святых он не стремился уйти в скит или пустыню. Его царство – как раз от мира сего, и он в нем царь, и в одном месте он неодобрительно отзывается о христианах, подчеркивая, что они все делают из чувства противоречия общепринятым нормам жизни и таким образом, в его понимании, стремятся противопоставить себя общечеловеческому муравейнику. Действительно, попытка христиан посредством индивидуального душеспасения вырваться из римского и общечеловеческого муравейника не могла вызывать у него симпатии. Поэтому люди, исповедующие христианскую религию, никогда не смогут понять этого мудрого римского кесаря. Его гораздо лучше поймут буддисты, вовсе не склонные обожествлять индивидуальность и предполагать продолжение ее существования после смерти на небесах в компании ангелов, херувимов и прочих милых созданий человеческого воображения, которых никто, кроме участников христианского мифа жизни, не видел и никогда не увидит. И не случайно в России Марка Аврелия лучше всех понял и почувствовал Лев Толстой, русский будда, который отрицал личного бога, так как личность есть ограничение, а это несовместимо с понятием бога как безграничного существа. И все отличие Толстого от Марка Аврелия заключалось лишь в том, что Толстой, обладая пылким русским сердцем, стремился раствориться в русском и общечеловеческом муравейнике и полагал, что государственная власть лишь мешает этому растворению, а Марк Аврелий, напротив, считал, что эта власть помогает, так как и человек, и весь мир – это государство.

Для того чтобы понять истинный смысл этой книги, надо понять, как Марк Аврелий представляет и видит себя самого и человека вообще. Обычное разделение: разум – душа (дыхание) – тело. Более точное и подробное: 1) внутренний демон, или внутреннее божество; 2) руководящее начало; 3) дыхание и жизненная сила (примерно соответствует нашему понятию «душа») и 4) тело. Рассмотрим все четыре составные части человека, как его мыслит Марк Аврелий. У древних греков, римлян и египтян существовало представление о том, что у каждого человека есть демон, или личное божество, которое сопровождает его на жизненном пути и не только руководит его действиями, но также внушает ему определенные симпатии и антипатии и даже мысли, причем египетские жрецы умели вызывать это божество.

ство (см. Порфирий, «Жизнь Плотина», 10), а Сократ общался с ним напрямую и слушался его предостережений. А ведь он не был сумасшедшим, но, напротив, слыл мудрейшим из людей. Плутарх объясняет этот феномен тем, что демон Сократа был менее, чем демоны других людей, погружен в материю тела и потому находился как бы рядом с Сократом, а не внутри него, как у остальных людей. Обычно же древние считали, что это личное божество – индивидуальный характер человека, который тяготеет к судьбе человека и прямо порождает ее. И Гераклит в одном из своих фрагментов так и говорит, что демон человека – это его характер (в неуклюжем русском переводе Муравьева: «Собь своя для человека – гений»). Однако Марк Аврелий далеко отступает от этого общеантичного представления, и если проанализировать все его упоминания о внутреннем демоне, то становится ясно, что этот внутренний демон у него – просто частица мирового разума, его чистое истечение. Причем во всех людях оно качественно однородное (отчего возникает единство человеческого рода в разуме), и все различие между людьми заключается лишь в силе и интенсивности этого истечения мирового разума: у одних оно более сильное, у других – менее. Поэтому у Марка Аврелия все люди – это одно существо, но, в отличие от неоплатоников, он не устанавливает и не признает никакой иерархии. Напротив, он все время призывает себя помогать людям именно потому, что сознает, что это чистое истечение мирового разума в нем несколько сильнее, чем в остальных. И он совершенно лишен высокомерия, свойственного, например, Плотину, который считал своего личного демона высоко стоящим в иерархии демонов и богов («Пусть боги приходят ко мне, а не я к ним!») и, в сущности, презирал остальных людей. И хотя Марк Аврелий часто смотрит на жизнь отрешенно, как буддист на «покрывало майи», но смотрит не свысока, не разглядывает людей, как любопытных букашек, а пытается воздействовать на их руководящее начало, хотя иногда и сознает, что это очень трудно, и призывает себя хотя бы не осуждать людей, если бессилён воздействовать на их руководящее начало.

Собственно, в этом руководящем начале, в способе его взаимодействия с душой и телом и заключается все качественное различие между людьми (внутреннее же божество, как было сказано выше, во всех одно и то же). Что такое руководящее начало человека? Если личное божество, или демон, по представлениям Марка Аврелия, является как бы посторонним для человека (ведь он – не его собственное достояние, а частица мирового разума, «кусочек Зевса», как называет его однажды Марк Аврелий), то руководящее начало призвано осуществлять связь этого общего для всех божества с индивидуальной душой и индивидуальным телом, а также связь человека с остальными людьми. Это руководящее начало в восприятии Марка Аврелия обладает тремя основными характеристиками: индивидуальное восприятие или толкование вещей (*hypólēpsis*), представление (*phantasia*) и суждение (*crisis*), причем второе вытекает из первого (представление из восприятия), третье из второго (суждение из представления), а после суждения следует этический акт: то или иное высказывание, тот или иной поступок. Рассмотрим эти три составные части руководящего начала. Первая, *hypólēpsis*, – это восприятие, признание чего-либо тем или иным и возникающее как результат этого восприятия толкование вещей, которое тоже индивидуально. Мир раскрывается перед человеком согласно его собственному индивидуальному восприятию этого мира, и Марк Аврелий в одном месте совершенно в духе Беркли говорит, что жизнь – это восприятие (4,3), и на протяжении всей книги подчеркивает, что все дело в восприятии. А поскольку в понимании Марка Аврелия суть вещей труднопостижима или вовсе непостижима (в отличие от остальных стоиков, у него довольно часто и резко проявляется скептицизм по вопросу познаваемости мира), то у большинства людей это толкование оказывается либо приблизительным, либо вовсе неправильным, и тогда *hypólēpsis* превращается в предвзятое мнение, в предубеждение и приводит к совершению неправильных поступков и высказываний. Поэтому Марк Аврелий все время призывает себя следить именно за своим восприятием, за тем, какие представления у него возникают, для того чтобы толкование вещей соответ-

ствовало правильному или, как его называли стоики, прямому разуму. В 3,16 Марк Аврелий призывает себя «не оглушать своего демона толпой представлений». Что такое в его понимании представление? В восприятии древних оно имело световую природу, и они мыслили представление как свет, исходящий из разума и освещающий вещи. Поэтому один из главных теоретиков стоицизма Хрисипп, следуя такому пониманию, производил слово «представление» (*phantasí a*) от слова «свет» (*phós, pháos*) и различал само представление (*phantasí a*), объект представления (*phantastón*, «то, что явлено в свете разума»), мнимое представление (*phantasticón*) и абсолютно ложное и искаженное представление (*phántasma*, откуда «фантасмагория», уродливое искажение реальности, которое, по словам Хрисиппа, бывает у меланхоликов и безумных). В начале своей книги (2,11) Марк Аврелий призывает себя при возникновении представления делать общий очерк того, что подпадает под представление (*phantastón* по терминологии Хрисиппа), затем называть истинное имя этого объекта представления, отличное от другого имени, а также имена частей, из которых составлен объект представления и на которые он разлагается. Разумеется, подобное восприятие стоиков и Марка Аврелия несовместимо с нелепой материалистической теорией отражения, согласно которой сами предметы будто бы воздействуют на сознание и каким-то образом порождают в нем представления. В восприятии же Марка Аврелия вещи стоят незыблемо вовне и не они, а мы сами порождаем суждения о них, когда свет, исходящий из сознания, направляется к предметам, различает и отделяет их друг от друга, являет их сознанию (по-гречески «представлять» и «являться» – одно слово) и этим своим действием обнаруживает как объекты, так и собственную световую природу. В отличие от стоиков Марк Аврелий крайне редко употребляет понятие «постигающее, каталептическое представление», т. е. такое, которое «схватывает» суть вещей. Как уже говорилось выше, это объясняется тем, что в вопросе познаваемости мира он был ближе к скептикам, чем к стоикам. И, наконец, последняя, третья характеристика руководящего начала – суждение (*crisis*), которое, по мысли Марка Аврелия, должно соответствовать истинной ценности вещи, чтобы человек мог сделать правильное высказывание и совершить правильный поступок, совпадающий с действием прямого мирового разума. Главным для Марка Аврелия является именно состояние руководящего начала, и он поэтому стремится к тому, чтобы ни наслаждения, ни страдания, ни гнев, ни страх не исказили его, а через него не замутили чистого внутреннего демона. Кроме того, он часто подчеркивает, что в чужом руководящем начале зла для него быть не может (4,39), что лучший способ защиты – не уподобляться обидчику (6,6) и оставить чужое прегрешение на совести того, кто его совершил (9,20). «У каждого своя радость, – говорит он в 8,34, – у меня – когда мое руководящее начало не искажено, потому что не отвращается ни от какого-либо человека, ни от какого-либо обстоятельства человеческой жизни, но смотрит на все благосклонным взглядом, все принимает и использует соответственно тому, чего это явление стоит». В понимании Марка Аврелия в жизни человека все зависит от того, в каком состоянии находится его собственное руководящее начало, каких основоположений и убеждений оно придерживается и какими представлениями проникнуто, а вещи, как уже говорилось выше, сами по себе его не затрагивают. Что касается вещей, привлекательных в глазах большинства, Марк Аврелий советует себе разлагать их с помощью представлений на первичные составные части, чтобы таким образом видеть всю их неприглядность и ничтожность.

Представление Марка Аврелия о душе существенно отличается от того, что мы привыкли понимать под этим словом. Но самое интересное, что он в восприятии души и со стоиками имеет не много общего. Если стоики воспринимали душу как огненное мыслящее дыхание и не различали строго разум и душу (особенно ранние стоики, до Посидония), то у Марка Аврелия душа резко отделена от разума, и он во взгляде на структуру души даже с Посидонием имеет мало общего. Душа у него – пневма, которая движет в качестве жизненной силы члены человеческого тела, осуществляя моторную функцию и только. Унт в ком-

ментарии к ленинградскому изданию Марка Аврелия много пишет о том, как стойки воспринимали пневму, или дыхание, и как воспринимает ее Марк Аврелий, но ему следовало бы обратить внимание, что Марк Аврелий в два раза чаще, чем слово «дыхание», употребляет его пренебрежительно-уменьшительную форму *pneumatíon*, «дыханьице», что лишний раз доказывает, что Марк Аврелий далеко отошел от телесного восприятия мира, свойственного ранним стоикам; да и ранним стоикам далеко не все представлялось таким уж телесным, как это пытаются изобразить люди, не совсем хорошо представляющие из-за своего материалистического восприятия мира, что такое стоицизм. К душевно-телесной стороне человеческого существа Марк Аврелий относится прямо-таки саркастически. Поэтому совершенно неправильно переводят на русский язык слова Эпиктета, которые цитирует дважды Марк Аврелий и которые звучат у Марка Аврелия так: «*Душоночка* ты, таскающая на себе труп, как говаривал Эпиктет». А все без исключения переводят: «Ты – душа, таскающая на себе труп», – отчего возникает неправильное представление, будто Марк Аврелий самым главным в человеке считает душу. В том-то все и дело, что душа у Марка Аврелия имеет не большую цену, чем тело. Душа в его восприятии – нечто такое, что дышит и посредством импульсов дергает человека, словно куклу, заставляя его к одному стремиться, а другого избегать, причем и в том и в другом случае неразумно, какой-то зверек, которого надо все время обуздывать с помощью руководящего начала, чтобы этот бессмысленный зверек, душа, не омрачал божественного покоя и божественной чистоты внутреннего демона, который во всех людях один. Поэтому Марк Аврелий, приводя слова Эпиктета, говорит уменьшительно и пренебрежительно, хотя, может быть, и ласкательно: *psychágon*, душоночка, – как мы говорим «котенок», «цыпленок» (словом «душонка» переводить нельзя, так как в русском языке это понятие означает низкую и подлую душу, и столь же неудачен перевод «душечка»). В отличие от большинства стоиков, у Марка Аврелия душа не является огненным мыслящим дыханием, а имеет только животную природу, и он все время подчеркивает эту неприглядную животную сторону души, что для нас, привыкших считать благодаря христианству, что душа – это все, выглядит несколько странно. Впрочем, со стоиками Марк Аврелий совпадает по этому вопросу в том отношении, что стойки считали, что душа впервые возникает у животных, а в мире растений ее еще нет. Ни в какое личное бессмертие души Марк Аврелий, разумеется, не верит и считает, что после смерти душа рассеется в той стихии, из которой она возникла, а индивидуальный разум возвратится в общемировой, оплодотворяющий вещи, и тоже утратит свою особенность – несколько огорчительная идея для тех, которые хотят сохранить свою драгоценную индивидуальность на том свете после смерти. Но Марк Аврелий мыслит честно и не обольщается. К тому же это растворение собственной индивидуальности в порождающем мировом разуме и ее слияние с ним он считает благом. Основными характеристиками души у него, как, впрочем, и у большинства стоиков, являются импульсы, устремления, порывы (*hormai*), и Марк Аврелий все время призывает себя сдерживать эти порывы души, которые являются свойством животной, а не разумной человеческой природы. В 11,37 он говорит, что эти порывы души должны быть, во-первых, не безусловными, а возникать с некоторой оговоркой и ограничением, и, во-вторых, они должны быть направлены на общие интересы, а не на интересы своего животного «я»; наконец, в-третьих, они должны соответствовать истинной ценности объекта, на который они устремлены. И в этой связи основными характеристиками души являются также отклонение от чего-либо (*écclisis*) или, напротив, тяга к чему-либо, желание достичь именно этого, а не чего-нибудь другого (*órexis*). Эти устремления и импульсы, отклонение от чего-либо или тяга к чему-либо, вызывают, по Марку Аврелию, видоизменения души, которые он называет *trōraí* и которые он призывает себя тщательно контролировать, так как они неразумны и опасны.

Основными характеристиками тела являются ощущения (*aisthēseis*) и страдательные состояния материи тела, которые греки называли *páthē*, что не совсем верно переводят

обычно как «страсти». В представлении Марка Аврелия и стоиков эти страдательные состояния вызывают вместе с импульсами и страстной тягой к чему-либо неправильные видоизменения души, и поэтому их также надо преодолевать с помощью руководящего начала, находящегося выше их, в голове. *Páthē*, или страдательные состояния материи тела, ведущие к неправильным видоизменениям души, – это гнев, печаль, вожделение и страх. Остальные страдательные состояния с точки зрения стоиков были менее опасными. Ощущения же, свойственные телу (*aisthēseis*), призваны отображать мир посредством чувственных отпечатков. В 6,28 Марк Аврелий определяет смерть как прекращение отпечатывания мира ощущениями, прекращение судорожного подергивания импульсов, прекращение служения плоти. Если Марк Аврелий такого нелестного мнения о душе, то о теле и говорить нечего. Оно для него мешок кровавой грязи и смрада (8,38). Презрение к телу выражается у него гораздо резче, чем в ортодоксальном стоицизме. Странно то, что Марк Аврелий, в отличие от остальных стоиков, считает ощущения не частями души (у стоиков пять органов чувств считались частями души), а свойствами тела. И столь же странно, что страсти, пороки, наслаждения и страдания он также воспринимает как состояния тела, а не души, потому что, когда он вспоминает определение наслаждения и страдания как плавного в случае наслаждения и резкого в случае страдания движения души, которое дал Аристипп, он все время говорит о плавном и резком движении *в теле*, а не в душе.

Итак, вот каков человек в восприятии Марка Аврелия: *тело* с его ощущениями и страдательными состояниями, *душа* как теплая пневма, движущая посредством импульсов, страстной тяги к чему-либо или уклонения от чего-либо, словно нитками, человеком-куклой, *руководящее начало*, пытающееся воздействовать посредством суждений на душу и обуздывать ее порывы, чтобы человек совершал правильные поступки и делал правильные высказывания, и, наконец, *внутренний демон*, или божество, которое через действия руководящего начала должно быть связано с руководящим началом и внутренним божеством других людей, которое во всех людях одно, несмотря на свою разделенность в телах. Судьба же человека видится Марку Аврелию так: после смерти мешок кровавой грязи, именуемый телом, уйдет в землю, душа рассеется в той стихии, из которой она возникла при рождении человека, руководящее начало перестанет порождать представления и суждения и вместе с внутренним божеством растворится в мировом разуме и сольется с ним, так что это божество, бывшее при жизни человека личным, станет после его смерти вновь общим и утратит свою особенность.

Чтобы воссоединение с мировым разумом и слияние с ним было безболезненным, Марк Аврелий стремится исправлять и совершенствовать свой нрав. Поэтому стоическая философия интересует его прежде всего в своей этической части. И даже когда речь идет о стоической космологии, представления о космосе и мировом целом нужны ему лишь для выработки правильной нравственной установки, для того, чтобы находиться в гармонии с мировым целым, а не вступать в противоречие с ним. Ценность записок Марка Аврелия в том, что ему удалось сделать свое мышление орудием самовнушения и самовоспитания, тогда как многие другие стоики, уделявшие главное внимание этике, например, Сенека и Эпиктет, обращались с поучениями прежде всего к другим. Марк Аврелий же пытается убедить и разубедить лишь себя самого. То, что Марк Аврелий не думает о читателе, не заботится, как он отнесется к его словам, как раз делает его записи предельно искренними и независимыми по духу. Но хотя эти записи обращены только к себе самому, философ не думает замыкаться в себе. Напротив, он хочет жить в гармонии с мировым целым и ощущает, что единение людей – главная задача жизни. Однако оказывать влияние или давление на других людей, пытаться усовершенствовать их он считает делом бесполезным, так как руководящее начало этих людей – не в его власти. «Они будут делать то же самое, хоть ты тресни», – записывает он однажды. Зато изменить себя и таким образом улучшить состояние

мирового целого и содействовать единению людей вполне в его власти, считает он. Жизнь Марк Аврелий полагает лишь в настоящем: будущее и прошедшее, по его мнению, никогда не принадлежат человеку. Часто возвращаясь к мысли о смерти, он не находит в ней ничего ужасного, но, сравнивая ее с жизнью, иногда даже признает смерть желанной, и ему свойствен благородный пессимизм Гераклита, которого он часто вспоминает и дважды цитирует. Мысль о разрозненности и текучести материального естества вселенной и его форм при сохранении тождества разумной основы мира порождает в Марке Аврелии спокойное отношение к смерти и вообще ко всему, что происходит в этом мире.

Трудность перевода Марка Аврелия заключается в том, что он пишет по-гречески, а мыслит по-римски, т. е. предельно сжато. К тому же записи его обращены прежде всего к себе самому, и о многом он говорит как о чем-то само собой разумеющемся, однако известном лишь ему одному. Чтобы передать этот стиль мышления Марка Аврелия, дополнительные поясняющие слова, без которых совершенно невозможно обойтись, заключены нами в квадратные скобки. Исключение – местоимения, которые Марк Аврелий опускает регулярно, но если все эти пропущенные местоимения воспроизводить в квадратных скобках, то от этих скобок начинает просто рябить в глазах. Кроме того, изредка в этих квадратных скобках указывается точное, буквальное значение слова рядом с переводимым. Это бывает в тех случаях, когда выражение Марка Аврелия является образным, но с точки зрения стиля выглядит диссонансом. Несколько фраз заключены в угловые скобки. Это фразы, которые противоречат по смыслу предыдущим, и они заключены в скобки Дальфеном, издателем текста, с которого выполнен перевод (Marci Aurelii Antonini. *Ad se ipsum libri XII*. Edidit Joachim Dalfen. – Lirsiae, 1979). Примерно в десяти случаях выбор чтения Дальфеном представляется нам неудачным (все эти случаи отклонения от текста издателя и предпочтения другой конъектуры, приводимой в том же издании Дальфена, оговариваются нами в комментарии). Поскольку по-гречески читают немногие, а латинские буквы и слова могут прочесть почти все, стоические термины и важнейшие философские понятия даются нами в комментарии в латинской транслитерации. Исключение – выражения, содержащие игру слов, а также конъектуры: и те, и другие приводятся по-гречески. Переводя и комментируя, мы стремились к тому, чтобы издание было достаточно научным и в то же время популярным, хотя отдаем себе отчет, что это трудно совмещается. Но «золотая середина», как всегда, – самое лучшее.

В.Б. Черниговский

К себе самому

Книга I

1. От деда Вера^{1} у меня добрый нрав и незлобивость.
2. От родителя^{2}, если верить его репутации и памяти о нем, – скромность и мужество.
3. От матери^{3} – благочестие, щедрость и воздержание не только от дурных дел, но и от мыслей о них; а также простота и отвращение к времяпрепровождению, свойственному богатым.
4. От прадеда^{4} – нежелание посещать общественные школы; и [привычка] обучаться у хороших учителей дома; и знание, что на это нужно прилежно тратить время.
5. От воспитателя – нежелание быть участником ни партии зеленых, ни голубых, ни партии круглых, ни партии длинных щитов;^{5} и выносливость и неприхотливость, и самостоятельность, и нежелание вмешиваться в чужие дела, и невосприимчивость к наговорам.^{6}
6. От Диогнета^{7} [привычка] не гоняться за пустыми вещами; и недоверие к тому, что рассказывают о кудесниках и заклинателях и об изгнании демонов и тому подобном; и не разводить перепелов^{8} и не увлекаться занятиями такого рода; и воздерживаться от болтливости; и быть в дружбе с философией; и слушать сперва Бакхия, затем Тандасида и Марциана;^{9} и писать в раннем возрасте диалоги; и привычка спать на шкуре и складной кровати и придерживаться всего того, что свойственно эллинскому образу жизни.^{10}
7. От Рустика^{11} – получение представления о необходимости исправления и совершенствования своего нрава; и нежелание ударяться в софистические прения и писать по теоретическим вопросам, или произносить увещательные речи, или изображать из себя аскета или благодетеля, создавая [у людей] неверное представление; и [умение] воздерживаться от риторики, поэзии и изысканных речей;^{12} и не разгуливать по дому в праздничной одежде и не делать [ничего] подобного; и писать письма просто, как писал он моей матери

^{1} *Марк Анний Вер* – префект Рима и трижды консул. Марк Аврелий воспитывался в его доме.

^{2} Отец Марка Аврелия, как и его дед, звался Марком Аннием Вером и умер, когда Марк Аврелий был маленьким ребенком. Марк Аврелий его не помнил, и поэтому сказано: «...если верить его репутации и памяти о нем».

^{3} Мать Марка Аврелия – Домиция Луцилла, дочь сенатора Публия Кальвизия Тулла, умерла после 155 г. н. э.

^{4} Имеется в виду Луций Катилий Север, прадед Марка Аврелия с материнской стороны, дважды консул.

^{5} Имя воспитателя Марка Аврелия неизвестно. *Зеленые и голубые* – цвета одежды возниц на конских ристалищах, по которым делились на партии зрители в цирке. *Круглые щиты* – гладиаторы, вооруженные на манер фракийцев. *Длинные щиты* – гладиаторы, вооруженные большими прямоугольными щитами на манер самнитов. Римские императоры часто бывали сторонниками той или иной партии на гладиаторских играх и в цирке, на что и намекает Марк Аврелий. Сам Марк Аврелий, по сообщению историков, во время гладиаторских игр часто читал книгу.

^{6} Доносительство и наговоры процветали при императорском дворе, и у многих людей наушничество было чем-то вроде профессии.

^{7} *Диогнет* – домашний учитель Марка Аврелия, занимавшийся также живописью.

^{8} Перепелов разводили и обучали для боя. Этот обычай пришел, вероятно, из Греции.

^{9} *Бакхий* – ученик философа-платоника Гая. *Тандасид* – ближе неизвестен. *Марциан* – учитель Марка Аврелия в судебном красноречии и юриспруденции. Так, по крайней мере, утверждает Дизнер. Унт в комментарии к ленинградскому изданию Марка Аврелия говорит, что Марциан – лицо неизвестное (?).

^{10} О привычках и образе жизни Марка Аврелия см. «История императоров» IV,2.6.

^{11} *Квинт Юний Рустик* – стоик и друг Марка Аврелия, дважды консул. О дружбе Марка Аврелия с Рустиком рассказывает Фемистий в «Речах» («Orationes» 13.173).

^{12} Из писем Фронтонa («Epistulae ad Caesarem» I,8, p. 24) ясно, что Марк Аврелий, как и Платон, в юности писал стихи, но потом философия взяла верх.

из Синуэссы^{13}; и относиться благосклонно и примирительно к гневающимся и заблуждающимся и, как только они захотят раскаяться, идти им навстречу; и внимательно читать [книги] и не довольствоваться самыми общими мыслями и не соглашаться легко с пустословами; и обращение к «Беседам» Эпиктета^{14}, которые он дал мне из домашней библиотеки.

8. От Аполлония^{15} у меня свободомыслие и твердая осторожность; и [умение] даже в малом не обращать внимание ни на что, кроме смысла; и всегда [сохранять душевное] равновесие: при острых болях, при утрате ребенка, во время продолжительных болезней; и ясное понимание на примере его жизни, что один и тот же человек может быть и энергичным, и беспечным; и [умение] при объяснениях не раздражаться; и видеть, как человек разумный наименьшим из своих достоинств считает опыт и искусство передачи умозрительных положений; и понимание, как нужно принимать от друзей то, что считается благодеянием, и не терять из-за этого достоинства и вместе с тем не пренебрегать бесчувственно [тем, что считается благодеянием].

9. От Секста^{16} – приветливость; и пример, как управлять домом; и понимание жизни в согласии с природой^{17}; и ненапускная серьезность; и стремление заботиться о друзьях; и терпимость к людям обыкновенным и судящим без осведомленности; и [умение] быть в согласии со всеми так, что общение с ним было приятнее всякой лести и в то же время он заслуживал глубочайшего уважения у тех же самых людей; и понимающе и методически отыскивать и упорядочивать необходимые для жизни основоположения; и не проявлять никогда гнев или какое-нибудь другое сильное чувство, но всегда быть выше страстей и вместе с тем любвеобильным; и добрая репутация без хвастовства; и ученость без показного блеска.

10. От Александра Грамматика^{18} – неосуждение; и [привычка] не делать оскорбительных замечаний по адресу тех, кто употребляет варварские или какие-нибудь неправильные или неблагозвучные выражения, но только искусно произносить так, как следует, в форме ответа, или подтверждения, или совместного размышления о самом предмете, а не об обороте речи, или с помощью какого-нибудь такого же искусного упоминания мимоходом.

11. От Фронтон^{19} – знание, каковы злые чары и изощренность и притворство тирании; и сколь бессердечны те, которых мы обычно называем голубой кровью.

^{13} Синуэсса – город в Лации на границе с Кампанией.

^{14} Эпиктет (род. ок. 50 г. н. э. в Гиераполе, ум. в 125/130 г. н. э. в Никополе) – фригийский раб, а позднее философ, отпущенный фаворитом Нерона Эпафродитом на свободу. После изгнания философов из Рима в 94 г. н. э. поселился в Никополе, где вел, подобно Сократу, устные беседы, которые были записаны его учеником, известным историком походов Александра Македонского Флавием Аррианом (дошли «Руководство» и четыре книги «Бесед» из восьми, перевод на русский язык см. «Вестник древней истории». – 1975. – № 2–4; 1976. – № 1–2). Эпиктет – теоретик истинной свободы, которая не имеет ничего общего с распушенностью и своеволием и выражается в отказе от удовлетворения потребностей и собственных неумных желаний, которые превращают человека в раба. Путь к этой истинной свободе, по мысли Эпиктета, лежит через самопознание, самоограничение (девиз Эпиктета: «Сдерживайся и воздерживайся!»), отрешенность от всего внешнего и смирение перед богом, который находится в самом человеке. Эпиктет – единственный стоик, отвергавший самоубийство и считавший, что надо стоять до конца там, куда поставила судьба.

^{15} Аполлоний – известный стоик из Халкиды, приглашенный императором Антонином Пием в учителя к Марку Аврелию и Луцию Веру. Об Аполлонии упоминает Лукиан («Демонакт» 31).

^{16} Секст – философ-платоник из Херонеи, племянник Плутарха.

^{17} Под «жизнью в согласии с природой» стоики понимали жизнь согласно требованиям разума, тогда как у животных жизнь в согласии с природой – это жизнь согласно побуждению и импульсу (Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» VII,86, в дальнейшем сокращенно: Д.Л.).

^{18} Имеется в виду Александр Котийский, грамматик из Фригии и комментатор Гомера. Из дальнейшего ясно, что он обучал Марка Аврелия не только греческому языку, но и красноречию.

^{19} Марк Корнелий Фронтон – уже упоминавшийся в № 12 ритор и писатель (род. ок. 100 г. н. э., ум. в 170 г. н. э.), учитель Марка Аврелия и Луция Вера.

12. От Александра Платоника^[20] [привычка] не говорить часто и без нужды кому-нибудь и не писать в письме, что я-де занят, и под этим предлогом постоянно отказываться от того, что надлежит делать по отношению к тем, с кем общаешься, ссылаясь на неотложные дела.

13. От Катула^[21] [привычка] не относиться невнимательно к другу, упрекающему [тебя] в чем-нибудь, даже если он упрекает без оснований, но делать попытки восстановить прежние отношения; и усердно восхвалять учителей, как делали Домиций и Афинодот^[22]; и испытывать искреннюю любовь к детям.

14. От Севера, моего брата^[23], – любовь к домочадцам, к истине, к справедливости; и благодаря ему знание о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте^[24] и получение представления о свободном государственном устройстве, управляемом по закону [всеобщего] равенства и равноправия, и о верховной власти, более всего чтущей свободу подданных. И от него же – умеренность и ровность в почитании философии; и [привычка] делать добро и быть постоянно щедрым; и [питать] благие надежды и верить в любовь друзей; и не скрывать

^[20] Александр Платоник – вероятно, ритор из Селевкии в Киликии (Малая Азия).

^[21] Цинна Катул – философ-стоик.

^[22] Домиций – вероятно, Гней Домиций Афр, учитель Квинтилиана. Афинодот – лицо неизвестное; во всяком случае, это не учитель Фронтон философ Афинодот, как считает Унт, так как восхваление своего учителя Афинодотом, который был учителем Фронтон, бывшего в свою очередь учителем Марка Аврелия, выглядит несколько странно: зачем было Фронтоу держать при себе своего учителя, восхваляющего своего учителя, ведь он мог обучать Марка Аврелия и без его помощи?

^[23] Слова «моего брата», скорее всего, являются позднейшей вставкой, а имеется в виду родственник Марка Аврелия, философ-перипатетик Клавдий Север. Но тогда непонятно, почему философ-перипатетик все время рассказывал Марку Аврелию о стоиках.

^[24] Имеются в виду Тразей Пет, Гельвидий Приск, Катон Утический, Марк Юний Брут и грек Дион. Тразей Пет – стоик, член сената и консул при Нероне. Выделялся среди сенаторов своим мрачным видом и независимостью, уклонялся от празднеств в честь Нерона, не посещал театры, чтобы не видеть правителя Рима выступающим на сцене (Тацит, «Анналы» XVI,22). Навлек на себя немилость Нерона тем, что покинул заседание сената, когда Нерон после матереубийства стал читать в сенате речь с обвинениями против матери, сочиненную для него Сенекой (там же, XIV,22). Позднее был обвинен публично двумя сенаторами в угоду Нерону. Запретил народному трибуну Арулену Рустику защищать себя и после письменного объяснения с Нероном приказал вскрыть себе вены (там же, XVI,34–35). Гельвидий Приск – зять Тразеи, народный трибун и тоже стоик. Обвиненный вместе с Тразеей, был изгнан из Италии, вернулся, был претором в 70 г. н. э. и казнен при Веспасиане. Жизнь и заслуги Гельвидия Приска перед государством прославляет Тацит в 5-й главе 4-й книги «Истории». Эпиктета приводили в восхищение слова Гельвидия, сказанные им Веспасиану: «Твое дело – меня казнить, мое – умереть без содрогания». Марк Порций Катон Младший, или Утический (95–46 гг. до н. э.) – правнук Катона Цензора, государственный деятель. Учился философии у Антипатра из Тира, но сам философских сочинений не писал и прославился главным образом благодаря последовательному поведению и нежеланию отклоняться от раз и навсегда избранной нравственной нормы. В юности сражался под началом Красса против Спартака, в 62 г. до н. э. настоял на казни сторонников Катилины, позднее выступал против триумвирата Цезаря, Помпея и Красса, не смущаясь ни силой, ни авторитетом триумвиров среди народа. Раньше других понял замыслы Цезаря и решительно во всем ему противодействовал: однажды взял слово во время заседания сената и говорил несколько часов до конца заседания лишь для того, чтобы сенаторы не успели обсудить и принять предложение Цезаря. После того как Цезарь начал гражданскую войну, отправился для противодействия ему в Африку и после поражения помпеянцев при Тапсе совершил самоубийство, не столько потому, что его огорчило поражение, сколько потому, что знал, что Цезарь милует своих противников, а значит, собирается помиловать и его. Цицерон, сетовавший на то, что Катон забывает, среди каких римлян он живет, и не отличавшийся мужеством Катона, после его самоубийства обнаружил мужество и, не побоявшись впасть в немилость к Цезарю, написал панегирик Катону. Цезарь ответил памфлетом «Антикатон»: по-видимому, Цезарь, в конечном счете побеждавший всех и всегда, почувствовал, что на сей раз нашла коса на камень и Катона ему победить так и не удалось. Тразей, Гельвидий и Катон Утический после смерти были канонизированы римскими стоиками, высоко почитались ими и были для них тем же, чем позднее были великомученики для христиан. Дион (род. в 409 г. до н. э., убит в 353 г. до н. э. в Сиракузах) – друг Платона, по приглашению которого Платон ездил в Сицилию. Попытался установить в Сиракузах государство по образцу идеального платоновского, но был убит. Его биографию см. у Плутарха, Непота и Диодора Сицилийского в 16-й книге. Марк Юний Брут (85–42 гг. до н. э.) – племянник Катона Утического, друг Цицерона, в философии последователь Платона и его школы, но по поведению типичный стоик, автор трех философских сочинений: «О терпении», «О доблести», «Об обязанностях» (не сохранились). Организовал и успешно осуществил убийство Цезаря, затем вел борьбу с цезарианцами Августом и Антонием и после поражения при Филиппах покончил с собой.

осуждения от тех, кого случается осуждать; и не заставлять друзей угадывать, чего хочу или не хочу, но делать [это] ясным.

15. От Максима^{25} – [умение] властвовать собой и в любом деле быть сосредоточенным; и хорошее расположение духа, как в остальных случаях, так и при болезни; и мягкость характера, и ласковость, и достоинство; и [привычка] не сдаваться понапрасну перед поставленными целями; и вызывать у всех доверие к себе, о чем бы я ни говорил, что именно так думаю, а то, что делаю, делаю с хорошими намерениями; и неспособность удивляться и испытывать потрясение^{26} и торопиться в каком-нибудь деле или медлить, или быть в растерянности, или падать духом, или деланно улыбаться, или, напротив, гневаться или подозревать; и готовность к добру и прощению и правдивость; и получение представления, что лучше быть [изначально] неискривленным, чем [впоследствии] исправляемым; и что никто никогда не мог бы подумать, что [Максим] презирает его, или осмелился бы признать, что тот ставит себя выше его; и тонкость обхождения.

16. От отца^{27} – кротость и непоколебимая твердость в решениях [принятых] после [тщательного] исследования; и отсутствие тщеславия по поводу мнимых почестей; и трудолюбие и упорство; и внимательность к тем, кто может что-нибудь предложить для общей пользы; и неизменность при воздаянии каждому по заслугам; и знание, в каком случае нужна строгость, а в каком – мягкость; и прекращение того, что связано с любовью к мальчикам; и понимание общих интересов и позволение друзьям не присутствовать на его обедах вовсе, а при возникновении какой-нибудь необходимости у них не сопровождать его; те же, которые отставали по какой-нибудь надобности, всегда заставляли его тем же самым в обращении с ними; в совете подробное и настойчивое расспрашивание; не отступаться от расследования, довольствуясь первыми попавшимися представлениями; и бережное отношение к друзьям, никогда не знающее пресыщения и вместе с тем излишнего влечения; и самодостаточность во всем^{28} и веселость; и предусмотрительность и умение заранее позаботиться [даже] о мелочах, не преувеличивая [их роли]; и отклонение хвalebных восклицаний и всякой лести по отношению к себе; и постоянное внимание к государственным нуждам и бережливость по отношению к казне и терпеливое отношение к тем, кто порицал его за это; по отношению к богам – отсутствие суеверия, по отношению к людям – отсутствие желания угодить, или добиться расположения, или понравиться толпе, но, напротив, здравый смысл и твердость во всем, и ни в чем не проявлять безвкусицы, и не стремиться к нововведениям; и одновременно скромное и охотное пользование благами, сколько-нибудь облегчающими жизнь, которые фортуна предоставляет в изобилии, – так, чтобы, когда они есть, распоряжаться ими непринужденно, а когда их нет, не испытывать в них нужды; ни один человек не мог бы сказать о нем, что он софист, или доморощенный философ, или педант, но [сказал бы] что он – муж зрелый, сложившийся, чуждый лести, способный позаботиться и о своих собственных делах, и о чужих; кроме того, он чтит настоящих философов, остальных же [делающих вид, что они философы] не бранил, но и не позволял им вводить себя в заблуждение; он также отличался приятностью и приветливостью, не переходящей границы; и [у него была] умеренная забота о собственном теле – не как у какого-нибудь жизнелюба и не ради красоты, но и не с пренебрежением, а так, чтобы благодаря попечению о себе менее

^{25} Клавдий Максим – философ-стоик.

^{26} «Ничему не удивляться» – принцип Горация. Из греческих философов первым, кажется, ввел его Демокрит. У Эпикура способность ничему не удивляться тождественна отсутствию страха и душевному спокойствию, достигающемуся в результате познания природы.

^{27} Имеется в виду император Антонин Пий (86–161 гг. н. э.), официальное имя – Тит Элий Адриан Антонин, усыновленный Адрианом и сам усыновивший Марка Аврелия.

^{28} Самодостаточность во всем – отсутствие потребностей в чем-либо. Древние считали ее главным свойством богов; по их мнению, ближе всего к богам тот, кто не нуждается ни в чем.

всего нуждаться во врачебной помощи или лекарствах и наружных припарках; особенно [следует отметить] его уважение без чувства зависти к обладателям какого-либо таланта, будь то красноречие или исследование законов, или нравов, или еще чего-нибудь, и содействие этим людям, чтобы каждый прославился соответственно своему дарованию; делая все по заветам отцов, он тем не менее не выставлял напоказ это соблюдение отцовских обычаев; еще он не был мятущимся человеком и не бросался от одного к другому, но был привязан к одним и тем же местам и делам; после приступов головной боли он тотчас возвращался молодым и свежим к обычным занятиям; и тайн у него было мало и лишь изредка, и все касались только общих интересов; в организации общественных зрелищ и при сооружении построек и раздачах народу и тому подобных делах он выказывал ум и заботливость, обращая внимание на то, что должно делать, а не на то, какая слава [будет о нем] вслед за деянием; он не пользовался банями в неурочное время, не имел страсти к строительству, не заботился ни об изысканности блюд, ни о покрое и расцветке одежды, ни о красоте своих рабов; одежда, изготовленная в Лории, его нижней резиденции^{29}, и многое [что произошло] в Ланувии^{30}, и плащ^{31}, из-за которого он извинялся в Тускуле^{32}, и прочее в том же роде; ничего резкого, непристойного он не допускал, ничего буйного, никогда не делал так, чтобы кто-нибудь мог сказать о нем «до [седьмого] пота», но все у него было обдуманно распределено, как во время отдыха, без суеты, размеренно, основательно, в согласии друг с другом; к нему подошло бы то, что рассказывают о Сократе, что он мог и воздерживаться, и наслаждаться тем, в отношении чего большинство людей на воздержание слабы, а на наслаждение падки^{33}; он был сильным [при воздержании] и воздерживался [от наслаждений] и сохранял трезвость ума в том и в другом случае, что свойственно человеку со здоровой и непреклонной душой, каким [показал он себя] во время болезни Максима.

17. От богов мне достались хорошие деды^{34}, хорошие родители, хорошая сестра^{35}, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья – почти все; и то, что я невзначай не сделал никому из них чего-либо дурного, хотя и имею такой склад характера, что при случае мог бы сделать нечто подобное; то, что милостивое расположение богов ко мне не создало никакого стечения обстоятельств, которое могло бы бросить тень на меня; и то, что я недолго воспитывался у любовницы деда; и что сберег юношеский цвет и не стал мужчиной раньше времени, но сохранял [юношеский цвет] еще и в дальнейшем; и то, что был я в подчинении у принцепса и отца, который смог меня избавить от какого бы то ни было высокомерия и внушить мысль, что можно жить во дворце, не нуждаясь ни в телохранителях, ни в пышных облачениях, ни в факелах, ни в каких-то особенных изваяниях и тому подобной помпе, но ограничивать себя вплоть до образа жизни частного человека и при этом иметь не меньше важности и достоинства в том, что надлежит делать при руководстве государством его главе; то, что довелось мне иметь такого брата^{36}, который смог своим нравом побудить меня самому заботиться о себе, а вместе с тем и радовавшего меня вниманием и любовью;

^{29} Лория – городок в Этрурии, где воспитывался император Антонин Пий, где он часто потом останавливался и где умер в 161 г. н. э.

^{30} Ланувий – город в Лации, где родился Антонин Пий.

^{31} Принимаем конъектуру Салмазия ('en citw~ni), упоминаемую в издании Гатакера.

^{32} Тускул – город в Лации.

^{33} Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе» I,3.14.

^{34} С отцовской стороны дедом Марка Аврелия был Марк Анний Вер, уже упоминавшийся в № 1, а с материнской – Публий Кальвизий Тулл.

^{35} Анния Корнифия Фаустина, умерла после 160 г. н. э.

^{36} Луций Аврелий Вер (ум. в 169 г. н. э.), брат по усыновлению. Впоследствии Марк Аврелий отдал за него замуж свою дочь Аннию Луциллу и сделал его своим соправителем.

то, что дети у меня родились не без способностей и не имеют телесных изъянов;^{37} то, что не зашел я так далеко в риторических, поэтических и других занятиях, которым я, вероятно, отдался бы полностью, если бы почувствовал, что делаю успехи;^{38} то, что я успел наградить по достоинству своих наставников, чего, как мне кажется, они желали, а не откладывал награды, подавая им надежду, что, поскольку они молоды, сделаю это потом; то, что я был знаком с Аполлонием, Рустиком, Максимом; что получал неоднократное и наглядное представление о жизни в согласии с природой, какова она может быть, так что, насколько это зависит от богов и божественного дара, вмешательства их и внушения, не встречал я никаких препятствий для жизни уже в согласии с природой, а если отступал в чем-нибудь от этого, то [отступал] по своей вине и невниманию к указаниям и чуть ли не наущениям со стороны богов; то, что при такой жизни столько выдерживает мое тело; то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Феодота, да и впоследствии, если возникала любовная страсть, выздоравливал от нее; то, что, часто сердясь на Рустика, не сделал по отношению к нему ничего, в чем [впоследствии] раскаивался бы; то, что мать моя, умершая в молодом возрасте, все же провела свои последние годы со мной; что, когда бы я ни захотел помочь какому-нибудь бедному или нуждающемуся в чем-нибудь другом человеку, никогда не слышали от меня, что нет у меня средств, чтобы помочь; и что самому мне не довелось испытывать подобную нужду, чтобы брать в долг у другого человека; что жена у меня именно такая, имеет такой покладистый характер, такая нежно любящая, такая простая; что у детей моих немало опытных воспитателей; что была мне послана через сновидения различная помощь и в том числе от кровохарканья и головокружения; и то, что случилось в Каэте^{39}, словно через оракул; и что я стремился к философии, не попав при этом к какому-нибудь софисту, не уединившись для чтения исторических сочинений, не занимаясь разбором силлогизмов или изучением небесных явлений. Ведь для всего этого нужна помощь богов и счастливого случая.

Писано в области квадов близ Грана^{40}.

^{37} Детей у Марка Аврелия было 13. Большинство из них умерли молодыми. Наиболее известны Коммод (впоследствии император), Аррия Фидилла и Анния Луцилла, отличавшаяся строптивым нравом, отправленная Коммодом в ссылку на Капри и убитая там в 182 г. н. э.

^{38} Стоики, как и Платон, неодобрительно относились к поэзии и риторике.

^{39} *Каэта* – ныне Гаэта, город в Кампании.

^{40} *Квады* – германское племя, жившее к востоку от маркомманов на территории современной Богемии и Моравии. *Гран* – Грон, левый приток Дуная.

Книга II

1. Поутру предупреждать себя: я встречусь с людьми суетными, неблагодарными, дерзкими, хитрыми, завистливыми, действующими не ради общей пользы. Всеми этими свойствами они обладают по неведению добра и зла.^{41} Я же, постигший, что природа добра прекрасна, а зла безобразна,^{42} что природа самого заблудшего человека родственна моей, не потому, что мы одной крови или от одного и того же семени, а потому, что в одинаковой мере причастны с ним разуму и божественному предопределению,^{43} не могу ни от кого из них потерпеть ущерба; ибо никто не сможет принудить меня к позорному; ни гневаться я не могу на родственное существо, ни отстраняться от него. Ведь мы рождены для совместной деятельности, как ноги, как руки, как веки, как верхний и нижний ряд зубов. Поэтому противно природе противодействовать друг другу; гневаться же и отвращаться означает именно противодействие.

2. Все, что я собой представляю, есть только плоть, дыхание и руководящее начало^{44}. Оставь книги; не разрывайся: нет времени. А плоть презирай так, словно умираешь: она кровавая грязь, кости, сплетение нервов, жил и артерий. Рассмотр и дыхание – что оно такое? Дуновение, и не всегда одинаковое, но каждое мгновение выдыхаемое и опять вбираемое. Итак, остается третье: руководящее начало. Прими в расчет вот что: ты стар. Не позволяй же этому руководящему началу ни находиться в рабстве, ни разрываться от влечений, не содействующих единению с людьми, ни роптать на судьбу и свое положение в настоящем, ни удаляться [мыслью] в будущее.

3. Исходящее от богов полно провидения, исходящее от случая не противоречит природе или обусловлено находящимися под властью провидения связью и переплетением [причин]. Все вытекает оттуда [из провидения].^{45} С ним связаны и неизбежность [всего про-

^{41} Стоическое положение, что люди злы по глупости или по неведению, восходит к основателю стоицизма Зенону Китийскому.

^{42} Мысль о том, что природа зла безобразна, а добра – прекрасна, также восходит к Зенону Китийскому, но она была обоснована еще Платоном. У стоиков, как и у киников, эстетика полностью подчинялась этике, и они не придавали эстетике никакого значения, считая, что эстетичным может быть лишь то, что этично.

^{43} По мнению стоиков, разумная часть души каждого человека является частью единой божественной души.

^{44} *Дыхание*, или пневма, – в раннем стоицизме это субстанция из огня и воздуха, творческая сила, порождающая вещи и пронизывающая их. Душа, с точки зрения ранних стоиков, есть не что иное, как теплое дыхание, а бог – огненное мыслящее дыхание. Всякая форма, всякая сущность в отдельных существах и в мировом целом есть действие этого дыхания, которое есть одновременно и мировой разум, и мировая душа. Таким образом, первоначально стоики мыслили разум (руководящее начало) и душу (дыхание) нераздельно. Но впоследствии Посидоний под влиянием Платона и Пифагора разделил бога и природу, разум и душу, и дыхание в качестве разума образует у него особый мир идей и чисел. Душу человека он также поделил под влиянием Платона на неразумную и разумную части. Марк Аврелий следует в данном случае Посидонию, а не основоположникам стоицизма, и также отделяет разум от дыхания (души) и называет разум руководящим началом (в дальнейшем он твердо придерживается этого разделения и никогда не смешивает дыхание [душу] с разумом или руководящим началом). Согласно традиционному стоическому пониманию, руководящее начало – это верхняя часть души, находящаяся в голове и порождающая представления; от этой части, словно щупальца от полипа, отходят и протягиваются по всему телу семь остальных частей (пять органов чувств, сеятельная, находящаяся в половом органе, и речевая). В отличие от большинства стоиков, у Марка Аврелия дыхание все время мыслится как нечто низшее и менее значительное по сравнению с разумом и руководящим началом. О том, как Марк Аврелий мыслит руководящее начало, см. предисловие.

^{45} С точки зрения традиционного стоицизма, огненное мыслящее дыхание (пневма) производит причинные действия, и цепь действий, порождаемая этим дыханием (пневмой), непрерывна. Единый поток пневмы, разделяясь на бесчисленные ручейки, но не теряющий при этом своего единства, называется *heimarmene* – судьба. Все совершающееся совершается, подчиняясь этой необходимой причинной связи. Но пневма – судьба – это не только причинная цепь, но и мировой разум, и в этом своем качестве он называется провидением или промыслом (*prognōia*). Необходимостью же (*anagkē*) стоики называли *результат* действия судьбы – то, что произошло и уже необратимо. Марк Аврелий по традиции строго различает все три понятия: судьба (*heimarmene*) – провидение или промысел (*prognōia*) – необходимость (*anagkē*). Впрочем, уже один из основателей стоицизма Хрисипп не разделял судьбу и провидение, утверждая, что все, что происходит согласно року или судьбе, происходит и согласно провидению.

исходящего], и польза для всего мира, частью которого ты являешься. А для любой части природы благо то, что приносит ей природа целого и что ее [часть природы] сохраняет; сохраняют же мир превращения как первостихий^{46}, так и состоящих из них тел. С тебя достаточно, если это станет твоим руководством. Тоску же по книгам оставь, чтобы умереть не ропща, но с истинной кротостью и сердечной благодарностью богам.

4. Помни, сколь долго ты откладываешь это и сколько раз ты уже не пользуешься этими самыми благоприятными возможностями, дарованными богами. Должен же ты понять наконец, частью какого мира ты являешься и истечение какого мироправителя ты есть, и что очерчен тебе предел во времени, который, если не используешь для очищения [души], исчезнет и назад не вернется.

5. Каждое мгновение заботься твердо, как римлянин и мужчина, о том, чтобы делать то, что в твоих силах, с истинным и неподдельным величием, сердечным расположением, благородно, по справедливости и давать себе отдых от всех других представлений. Это удастся тебе, если каждое дело станешь выполнять как последнее в твоей жизни, отказавшись от всякого безрассудства и вызванного страстями отвращения от разума, принимающего решения, а также [отказавшись] от лицемерия, своекорыстия и неприятия велений судьбы. Ты видишь, какая малость то, владея чем, можно вести счастливую и угодную богам жизнь. Ведь и боги не требуют ничего другого от того, кто соблюдает это.

6. Принижай, принижай себя, о душа: возвеличить себя у тебя уже не будет времени. Разве не коротка жизнь любого человека? Почти подошла к концу и твоя [жизнь], в которой ты не чтит сама себя, но ставила свое счастье в зависимость от душ других людей.

7. Почему тебя терзают вторгающиеся извне вещи? Дай себе отдых, чтобы изведать еще что-нибудь хорошее, и перестань кружиться, как волчок. Да и другого заблуждения нужно остерегаться: ведь и те, которые, устав от жизненных дел и не имея цели, на которую они могли бы направить все свое устремление и всю силу своего представления сразу, поступают глупо.

8. Нелегко найти человека, который становится несчастным оттого, что не заботится о том, что делается в душе другого; а вот те, которые пренебрегают движениями собственной души, неизбежно становятся несчастными.

9. Нужно помнить всегда о том, какова природа целого, и какова моя, и как последняя относится к первой, и какой частью какого целого является, и что никто не может воспрепятствовать тебе всегда и говорить и поступать, следуя той природе, частью которой ты являешься.

10. Философ Феофраст^{47} при сравнении прегрешений, несмотря на то что сравнение это несколько банально, замечает, что тяжелее проступки, совершаемые по вожделению, нежели из-за гнева. Действительно, гневающийся человек кажется отказывающимся от разума с некоторым огорчением и внутренней подавленностью; тот же, кто прегрешает по вожделению, покорившись наслаждению, кажется в своих прегрешениях более распушенным и изнеженным. Итак, верно и истинно по-философски сказал он, что проступок, совершенный ради наслаждения, заслуживает большего порицания, чем совершенный в состоянии огорчения. В целом один более похож на человека, ранее претерпевшего несправедливость и побужденного огорчением ко гневу; другой же, напротив, по собственному побуждению стремится к несправедливости, влекомый к какому-нибудь действию вожделем.

^{46} *Первостихии*: огонь, вода, воздух, земля. О стоической теории возникновения и образования мира см. Д.Л. VII,142.

^{47} *Феофраст* (ок. 372–287 гг. до н. э.) – философ-перипатетик. Из его многочисленных сочинений сохранились «Характеры», «О минералах», «О происхождении растений» (не полностью), «Об огне», «Ботаника» (он был основателем этой науки). О Феофрасте см. также Д.Л. V,216–222.

11. Каждое твое действие, слово, мысль пусть будут такими, как будто ты уже вот-вот уйдешь из жизни. Уходить же от людей, если есть боги, нисколько не страшно, ведь боги не причинят тебе зла; если же, напротив, боги не существуют или не заботятся о человеческих делах,^{48} зачем мне жить в мире, лишенном богов и промысла? Но боги есть, и они заботятся о человеческих делах и возложили всю ответственность впасть или не впасть в действительное зло на самого человека. Если же есть какое-нибудь зло в остальных делах, то и это они предусмотрели, чтобы человеку нельзя было впасть в какое угодно зло. То же, что не ухудшает самого человека, как может ухудшить его жизнь? Природа целого не допустила бы просчета ни бессознательно, ни сознательно, так, чтобы при этом не иметь возможности уберечься от зла или исправить его; и точно так же не допустила бы она такого большого просчета по неспособности или неискренности [а именно того], чтобы добро и зло случалось попеременно как со злыми, так и с добрыми. Смерть же и жизнь, слава и бесславие, страдание и удовольствие, богатство и бедность – все это главным образом случается как с хорошими, так и с плохими, не будучи само по себе ни прекрасным, ни постыдным. Стало быть, не благо это и не зло.^{49}

12. Как быстро все исчезает, в мире – самые тела, в вечности – воспоминание о них! Сюда относится все то, что мы воспринимаем чувствами, а особенно то, что привлекает, обещая наслаждение, или отпугивает [будущим] страданием, или то, что в ослеплении считают великим – как незначительно это и достойно всяческого презрения, как низменно, и тленно, и мертво! [Вот на что нужно] направлять мыслительную силу: напоминать себе, что представляют собой те, чьи мнения и речи приносят некоторым славу и бесславие; что такое умирание и что если рассмотреть его само по себе и освободить его посредством мысленного отграничения от того, что связано с ним в воображении, то ничем другим оно не будет представляться, как только действием природы. Тот же, кто опасается действия природы, – дитя. Более того, смерть – не только действие природы, но и полезна ей. Как соприкасается человек с богом, и какой частью своего существа, и в каком состоянии находится эта часть [рассмотри тоже].

13. Нет ничего несчастнее человека, измеряющего все вокруг и исследующего, по слову поэта, «глуби земли»^{50} и то, что есть в душах ближних, путем наблюдений, но не чувствующего, что достаточно быть внимательным только к своему собственному внутреннему демону^{51} и по-настоящему служить ему. Служение же ему заключается в том, чтобы сохранять его чистым от страстей, опрометчивости, недовольства тем, что исходит от богов и людей. Ибо то, что от богов, достойно почитания из-за своего превосходства над нами, а то, что от людей, приятно своей родственностью, иногда же заслуживает особого рода жало-

^{48} То, что боги не существуют вообще, утверждали поэт Диагор Мелосский (V в. до н. э.), философ Феодор из Кирены (ок. 320–280 гг. до н. э.) и Евгемер из Мессаны, который, так же как и Феодор, был последователем гедониста Аристиппа. Диагор и Феодор из Кирены прославились в основном благодаря этому отрицанию и получили одно и то же прозвище «Безбожник». То, что боги есть, но они не заботятся о человеческих делах, находясь в пространстве между мирами (интермундии), утверждал Эпикур.

^{49} Такие вещи, как слава и бесславие, богатство и бедность, наслаждение и страдание, стоики называли безразличными, но не в абсолютном смысле, а в том смысле, что они не относятся ни к пороку, ни к добродетели, так как эти состояния (слава – бесславие, богатство – бедность) могут одинаково испытывать как хорошие, так и дурные люди.

^{50} Слова Пиндара, цитируемые также и Платоном в «Тезетее» (173е).

^{51} Кроме того, что говорилось во вступительной статье о внутреннем, или личном, демоне, см. также диалог Плутарха «О демоне Сократа», небольшой трактат Апулея под тем же названием, а также 9-ю главу в сочинении Ямвлиха «О египетских мистериях» и специальный трактат Плотина «О присущем нам демоне», в котором, впрочем, нет ничего нового, кроме утверждения, что личный демон есть даже у животных. О личном демоне (гении) древних греков и римлян размышляет также Шопенгауэр в «Парергах и паралипоменах» (статья «Трансцендентное умозрение о видимой преднамеренности в судьбе отдельного лица»); он приводит любопытное высказывание Парацельса, свидетельствующее о том, что вера в существование личного демона сохранялась вплоть до Средневековья. Но как уже было сказано во вступительной статье, Марк Аврелий далеко отходит от общеантичного представления о личном демоне и считает, что личный, или внутренний, демон – это одно божество, разделенное в индивидуумах и различающееся лишь по силе своего проявления, а не по качеству.

сти из-за неведения [людьми] добра и зла. Это неведение – не меньший недуг, чем утрата способности различать черное и белое.

14. Проживешь ли ты три тысячи или тридцать тысяч лет, все равно помни, что никто не теряет иной жизни, кроме той, которой живет [в данный момент], и не живет иной жизнью, кроме той, которую теряет [в данный момент]. В этом отношении самая долгая жизнь равна самой короткой. Ведь настоящее время для всех одинаково, и исчезающее [тоже поэтому] одинаково, и утрачиваемое столь непродолжительно. Ведь ни прошедшее, ни будущее потерять никто не может, потому что как может лишиться кто-нибудь того, чего у него нет? Поэтому помни всегда две истины: первую – что все извечно имеет одинаковую основу и вращается по кругу, и поэтому совершенно безразлично, наблюдать ли те же самые вещи в промежутке ста или двухсот лет или в беспредельности времени; вторую же – что и человек самого преклонного возраста, и очень рано умерший теряют одно и то же. Ведь настоящее – единственное, чего они могут лишиться, так как только его они и имеют, а то, чего человек не имеет, он не теряет.

15. [Помни] что все – восприятие. Это верно отмечено киником Монимом^{52}. Несомненна и польза его высказывания, когда ограничиваешься тем, что в нем истинного.

16. Человеческая душа наносит обиду себе самой более всего тогда, когда она, насколько это в ее власти, отпадает от мира и как бы становится болезненной опухолью на его теле. Ибо быть недовольным чем-нибудь из происходящего означает [именно] отпадение от природы [целого], которой в каждой отдельной части охватываются природы остальных существ. Далее [она обижает себя же], когда отвращается от какого-нибудь человека или устремляется против него, пытаясь навредить ему, как бывает с душой разгневанных. В-третьих [она обижает себя же], когда подчиняется наслаждению или страданию. В-четвертых, – когда притворяется и делает или говорит что-либо фальшиво и неискренно. В-пятых, – когда она не направляет какого-нибудь своего действия и порыва к определенной цели, но действует наобум и непоследовательно, между тем как даже самое малое надлежит делать, имея в виду конечную цель. Конечная же цель существ разумных – следовать разумным установлениям Города и его древнейшему устройству^{53}.

17. Продолжительность человеческой жизни – мгновение, естество – текуче, ощущение – смутно, состав всего тела – непрочен, душа – кружащийся волчок, стечение обстоятельств – неясно, слава – неразборчива, – одним словом, все, что относится к телу, – поток, все, что относится к душе, – сон и туман, жизнь – военный поход и скитание на чужбине, слава в потомстве равносильна забвению. Итак, что же может служить руководством? Одна лишь философия. Быть же философом значит хранить внутреннего демона неоскверненным и невредимым, пребывающим выше наслаждений и страданий, не делающим ничего ни необдуманно, ни лживо, ни лицемерно, не нуждающимся в том, чтобы другой человек что-нибудь сделал для него или не сделал; кроме того, принимающим случающееся и уделяемое [судьбой], так как оно исходит оттуда, откуда пришел он сам; наконец, ожидающим смерть с кротостью в мыслях, как если бы она была не чем иным, как разъединением на те частицы,

^{52} Принимаем конъектуру Менажа, grXj tou~ kunikou~ Monirmou, которую приводит Шульц (J.M. Schultz, Slevisci, 1802) в своем издании. *Киник Моним* – ученик знаменитого Диогена Синопского, отрицавший существование достоверного критерия познания и считавший, что люди в своем самомнении все время воспринимают как сущее то, что в действительности не существует, и поэтому все существует лишь во мнении, которое является предвзятым и неправильным. Скептик Секст Эмпирик использовал аргументацию Монима в своем сочинении «Против ученых». У Муллаха (Mullach F. *Fragmenta philosophorum graecorum*. – Parisiis, 1881. – II. – P. 346) сохранилось несколько фрагментов Монима из его сочинений «О побуждениях» и «Поощрениях». Известен истинно кинический афоризм Монима: «Богатство – это блевотина фортуны!»

^{53} Стоики представляли вселенную как город-государство, которым правит логос, мировой разум, объединяющий богов и людей в одну общину (из этой общины логоса стоики исключали неразумных животных, за что их справедливо критиковали неоплатоники, например, Порфирий в 3-й книге «О воздержании»). В этом городе логоса стоиков имеет силу основанное на общезначимом разуме право. Марк Аврелий в своем представлении о мире как о городе, где правит разум, следует стоической традиции.

из которых составлено все живое. Если же для самих частиц нет ничего страшного в том, что каждая из них постоянно превращается в другую, то почему должен кто-то смотреть с недоверием на превращение и разъединение всего сразу? Ведь это соответствует природе, а в том, что соответствует природе, нет зла.

Книга III

Писано в Карнунте^{54}

1. Нужно принять в расчет не только то, что каждый день убывает жизнь и остается все меньшая ее часть, но нужно принимать в расчет и то, что если кто и доживет до глубокой старости, неизвестно, достанет ли ему тогда такой же силы ума для осмысления вещей и наблюдений, направленных на познание божественных и человеческих дел. Ведь если [человек] начнет тупеть, способность дышать, питаться, воображать, порываться и все прочее в этом роде не исчезнет, а вот способность разумно распоряжаться собой, точно определять нужное количество обязанностей^{55}, расчленять исходные представления и следить за тем, не пора ли уже уходить из жизни, и все прочее, что совершенно не может обойтись без тренированного разума, угасает раньше [чем угасает в глубокой старости способность дышать, питаться]. Поэтому следует спешить не только потому, что смерть ежечасно становится все ближе, но и потому, что осмысление и постижение связи вещей ослабевает быстрее [чем все остальные способности].

2. Следует отметить и то, что даже в том, что сопутствует явлениям, совершающимся в согласии с природой, есть некая прелесть и привлекательность. Так, при выпечке хлеба трескается некоторая его часть, и поэтому эти трещинки, хотя и противоречат в известной мере целям хлебопечения, все же как-то уместны и особенно возбуждают аппетит. Опять же и смоквы лопаются в самый последний момент созревания. И в перезрелых оливках самая близость их к гниению придает плоду своеобразную прелесть. И хлебные колосья, склоняющиеся к земле, и нахмуренный лоб льва, и пена, текущая из пасти кабана, и многое другое, если рассматривать их самих по себе, далеки от благообразия, однако из-за того, что они сопряжены с явлениями, совершающимися в согласии с природой, они приобретают их красоту и привлекают душу, так что, если кто восприимчив и отличается более глубоким пониманием происходящего в [мировом] целом, тому даже из второстепенных явлений почти ничто не покажется не связанным с некоторой приятностью. Он будет смотреть на настоящую звериную пасть с не меньшим наслаждением, чем на ту, которую в подражание [природе] изображают живописцы и ваятели. Своим разумным взглядом он сможет заметить и известную законченность и красоту облика старухи и старика, и очарование в детях; и множество вещей подобного рода откроется ему, очевидных не для всякого, но лишь для того, кто тесно сроднился с природой и ее произведениями.

3. Гиппократ, излечивший немало болезней, сам, заболев, умер. Халдеи^{56} многим предсказали смерть, но затем и их настиг рок. Александр [Македонский], Помпей и Гай [Юлий] Цезарь, столько раз до основания разрушавшие города и перебившие в бою многие десятки тысяч конных и пеших людей, однажды и сами ушли из жизни. Гераклит, столь много философствовавший о воспламенении мира, умер с наполненными водой внутренностями и обмазанный навозом.^{57} Демокрита погубила вшивая болезнь,^{58} Сократа – пара-

^{54} *Карнунт* – город в Паннонии вблизи нынешнего Петронеля, где были зимние квартиры легионов Марка Аврелия во время войны римлян с маркомманами.

^{55} Буквально: «числа надлежащего». Под «числами надлежащего» стоики понимали причину действия («почему надо делать?»), время действия («когда надо делать?»), образ действия («с кем и как надо делать?») и меру действия, подлежащего исполнению («насколько?»).

^{56} *Халдеи* – вавилонские жрецы и астрологи. Во времена Марка Аврелия так называли в Риме вообще всех астрологов независимо от их национальной принадлежности.

^{57} Такую же версию смерти Гераклита приводит и Диоген Лаэртский (Д.Л. IX,3). Согласно Гераклиту, мир периодически погибает в огне в конце каждого мирового цикла, который Гераклит и другие древние философы называли великим годом. Мир («космос») Гераклит определял как «огнь вековечный, взгорающий мерно и погасающий мерно» (фрагм. 41 в пер. С. Муравьева). Стоики многое позаимствовали у Гераклита, и Марк Аврелий не случайно впоследствии часто вспо-

зиты другого рода^{59}. Что же получается? Взошел [на корабль], плывешь, прибыл [в гавань] – высаживайся. Если в другую жизнь приплыл, то там все полно богов. Если же [после смерти] утратишь способность ощущать, то перестанешь [в этом случае] испытывать страдания и наслаждения и угождать вместилищу, которое становится тем хуже, чем лучше [заключенный в нем] управитель. Ибо он – разум и демон, а оно – земля и кровавая грязь.

4. Не трать оставшуюся часть жизни на мысли о других, если не соотносишь их с чем-нибудь полезным для всех. Ведь упустишь другое [главное] дело, раздумывая о том, что делает такой-то и с какой целью, и что он говорит, и что у него на уме, и какие хитрости он применяет, и обо всем, что порождает отклонение от собственного руководящего начала. Поэтому необходимо удалить из сцепления мыслей [все] беспорядочное и бесполезное, а более всего суетность и злонравие; и нужно приучать себя порождать такие представления, о которых, если кто-нибудь вдруг спросил бы тебя: «О чем ты сейчас думаешь?», ты с легкостью тотчас сказал бы: о том-то и о том-то – так что сами слова обнаруживали бы, что ты исполнен простоты и благожелательности и того, что присуще жизни на общее благо, а также человеку, пренебрегающему мыслями о [собственных] удовольствиях или вообще о наслаждениях, [пренебрегающему] каким-либо соперничеством, или злословием и подозрительностью, или чем-нибудь другим, воспоминание о чем заставило бы тебя стыдиться, что у тебя такое на уме. Ведь именно такой человек, так как он больше не откладывает то, чего хотят лучшие существа, уже является как бы жрецом и слугой богов, используя учрежденное богами внутри него начало, которое делает человека свободным от наслаждений, не подверженным никакой боли, не затронутым никаким оскорблением, не чувствительным ни к какому проявлению коварства, делает его борцом в величайшей борьбе за неподвластность ни одной из страстей, до глубин пропитанным справедливостью, всей душой принимающим все случающееся и выпадающее на долю, не думающим часто и без великой и общепользней нужды о том, что говорит, или делает, или думает другой человек. Ведь он обращает внимание только на то, как делать то, что находится в его собственной власти, и постоянно осмысливает то, что уделено ему от целого, и первое он исполняет прекрасно, а относительно второго убежден, что оно – благо. Ведь доставшийся каждому удел и обусловлен пользой целого и сам ему на пользу. Помнит он и о том, что все наделенное разумом родственно друг другу и что забота о всех людях отвечает природе человека; считаться же следует с мнением не всех людей, но лишь тех, кто живет в согласии с природой [целого]. Он постоянно помнит, каковы те, кто живут иначе, у себя дома и вне дома, каковы они ночью и днем и каково их окружение. Поэтому он не принимает в расчет похвалу таких людей, которые и собой-то не бывают довольны.

5. Не делай ничего непреднамеренно, без учета общего блага, не разобравшись, рассеянно. Не ряди свою мысль в красивые слова. Не будь ни многословным в речах, ни суетным в делах. И пусть бог, находящийся в тебе, будет покровителем существа мужественного, зрелого, гражданственного, римлянина, властителя, поставившего самого себя в строй, который в ожидании сигнала к отступлению готов легко расстаться с жизнью, не нуждающегося ни в клятве, ни в поручительстве за него со стороны какого-либо другого человека. Внутри него ясность и отсутствие потребности в помощи извне и спокойствии, которое зависит от других. Итак, нужно быть [изначально] прямым, а не выпрямляемым.

6. Если ты нашел в человеческой жизни что-нибудь лучшее, чем справедливость, правдивость, здравомыслие, мужество и, говоря одним словом, способность разума довольствоваться самим собой в тех случаях, когда он обнаруживает себя действующим в соответ-

минает Гераклита и в духе его учения говорит о текучести и изменчивости материальных форм жизни, а дважды (IV,46 и VI,42) даже цитирует его.

^{58} Марк Аврелий путает Демокрита с Ферекидом Сиротским, учителем Пифагора (Д.Л. I,116).

^{59} Имеются в виду обвинители Сократа: Анит, Мелет и толпа.

ствии с прямым разумом^{60}, и в том, что уделяет ему судьба независимо от его личной воли; если, повторяю, ты найдешь что-нибудь лучшее, чем это, обратившись к нему всеми силами, вкуси найденное высшее [благо]. Если же ничто не кажется тебе лучше учрежденного в тебе демона, подчинившего себе собственные устремления, исследующего представления и освобождающегося, по утверждению Сократа, из-под власти чувственных побуждений, подчиняющего себя богам и пекущегося о людях; если все остальное покажется тебе мелким и ничтожным по сравнению с ним, не давай место ничему другому, к чему обратившись однажды и уклоняясь в сторону, не сможешь уже без терзаний предпочесть то [ложное] благо своему собственному. Ибо непозволительно противопоставлять благу существа разумного и гражданственного какое бы то ни было инородное благо, будь то похвала множества людей или власть, или богатство, или вкушение наслаждений. Все эти вещи, даже если они кажутся в незначительном количестве уместными, поработают человека внезапно и уведут с верного пути. Ты же, говорю я, избери просто и как подобает свободному высшее благо и придержишься его. Высшее благо означает [высшую] пользу. Если оно тебе как разумному существу [полезно], соблюдай его; если же как существу животному, докажи и сохраняй суждение о нем без ослепления. Только произведи исследование безошибочно.

7. Не считай, что когда-нибудь тебе будет на пользу то, что заставит тебя однажды нарушить верность, отбросить стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, проклинать, лицемерить, вожделеть чего-нибудь, что следует скрывать за стенами и завесами. Ведь тот, кто предпочитает собственный разум и своего демона и совершает обряд служения его добродетели, не разыгрывает трагических сцен, не выпускает вздохов и не испытывает потребности ни в одиночестве, ни в многолюдстве. Он будет жить – а это самое главное, – не гоняясь [за жизнью] и не убегая [от нее]. Его нисколько не заботит, будет ли его душа пользоваться облегчающим ее телом более продолжительный или более короткий отрезок времени. Ведь даже когда нужно уже уходить, он уходит так же легко, как если бы совершал одно из дел, которые совершаются скромно и благопристойно, всю свою жизнь остерегаясь только того, как бы его мысль не приняла какого-нибудь направления, не свойственного разумному гражданственному существу.

8. В разумении человека, обуздавшего себя и очистившего, не найдешь ничего гнояного, грязного, коварного. Судьба не возьмет его жизнь неоконченной, как говорят об актере, что он сошел со сцены, не закончив и не доиграв пьесы. В нем также нет ничего от раба, от щеголя, ничего прилипчивого, обособленного, зависимого, скрытного.

9. Тщательно наблюдай за способностью восприятия. В ней содержится все [нужное] для того, чтобы в твоём руководящем начале родилось мнение, согласное с природой [целого] и устройством разумного существа. Она же предписывает нам осмотрительность в суждениях, родственное чувство к людям и послушное следование за богами.

10. Итак, отбросив все остальное, держись лишь немногого. И еще помни, что каждый человек живет лишь в этом длящемся мгновенье, а остальное или уже прожито, или неизвестно. Поэтому мало то время, в котором живет каждый человек, мал и уголок земли, где он живет. Мала и самая продолжительная посмертная слава, к тому же существует она преемственно в поколениях людишек, живущих недолго и не знающих ни самих себя, ни тем более умершего задолго до них.

11. К уже высказанным жизненным правилам добавь еще одно: всегда полагай предел или делай общий очерк того, что подпадает под представление, так чтобы видеть в целом и раздельно по составным частям, каково оно [то, что подпадает под представление] в своей

^{60} Прямой разум – всеобщий закон природы, и он же – нравственный закон, повелевающий человеку делать то, что он должен делать согласно своему устройству, и запрещающий делать то, что противоречит природе человека. Следование этому прямому разуму называлось у стоиков *catorthō—gmata*, «прямодеяния», т. е. абсолютно правильные действия.

неприкрытой сущности, и говори себе его отличное от других имя и имена тех частей, из которых оно составлено и на которые разлагается. Ведь ничто так не возвышает душу, как способность исследовать путно и по правде каждый подпадающий в жизни [под представление] предмет и всегда смотреть на него таким образом, чтобы постигать его связь с миром и зачем он ему надобен, какую ценность имеет он как для целого, так и для самого человека, являющегося гражданином верховного города, перед которым все остальные города все равно что дома^{61}. [Говори:] что это, из каких частей слагается, и как долго назначено природой длиться тому, что теперь образует во мне представление, и какая добродетель нужна для него – кротость? мужество? правдивость? верность? простота? самодостаточность? и т. д. Поэтому нужно по поводу каждого объекта представления говорить себе: это исходит от бога, а это – соединено жребием и выющимися и переплетающимися нитями судьбы, и потому таково совпадение обстоятельств и случай, это же – от моего соплеменника, и сородича, и сотоварища, который, однако, не ведает того, что ему полагается делать согласно [человеческой и общей] природе. Я же хорошо это знаю. Поэтому я обхожусь с ним соответственно требованию естественного закона общности [человеческого рода]: благосклонно и справедливо. Вместе с тем, однако, в вещах средних^{62} я стремлюсь к оценке каждой из них по достоинству.

12. Если ты действуешь в данный момент, следуя прямому разуму, с усердием, силой, благожелательностью и не обращаешь внимания ни на что второстепенное, но блюдешь своего демона в постоянной чистоте, как если бы ты уже сейчас должен был вернуть его; если соединяешь это в своем действии, ничего не ожидая и не избегая, но довольствуясь деятельностью в настоящем в согласии с природой, а также с римской правдивостью в том, что говоришь и произносишь, то жизнь твоя станет счастливой. И нет никого, кто мог бы помешать этому.

13. Как врачи всегда держат наготове инструменты и железные приспособления для срочных операций, так и ты имей наготове основоположения для рассмотрения дел божеских и человеческих и все, в том числе и самое малое, делай так, чтобы помнить о взаимосвязи и тех и других. Ведь ни одно из человеческих дел не сделаешь хорошо, не соотнося его с божеским, и наоборот.

14. Не отклоняйся: ведь ни твои заметки, ни сочинения о деяниях древних римлян и эллинов и выписки из писателей, которые ты отложил на время старости, ты можешь не прочитать. Поэтому спеши к цели и, оставив пустые надежды, приди сам, пока можно, себе на помощь, если у тебя есть хоть какая-то забота о себе.

15. Не знают они, что значит «воровать», «сеять», «покупать», «отдыхать», «видеть, что нужно делать», – то, что возникает не в телесном, а в некоем ином зрении^{63}.

16. Тело, душа, ум. Телу принадлежат ощущения, душе – импульсы, уму – основоположения. Способность образного запечатления имеет даже скот, разрываться от различных устремлений могут даже дикие звери, и андрогины, и Фаларид^{64}, и Нерон; иметь руководителем ум для исполнения того, что кажется надлежащим, свойственно и тем, кто не чтит богов, и предателям родины, и тем, кто делает все что угодно за закрытыми дверями. Итак, если остальное у тебя – общее с названными выше, то отличительным свойством человека добропорядочного остается способность любить и охотно принимать случающееся и спле-

^{61} Под *верховным городом* Марк Аврелий понимает общемировое разумное устройство, объединяющее все земные государства с их различными законодательствами в одно целое.

^{62} *Средние вещи* – это уже упоминавшиеся в № 49 безразличные в стоическом смысле слова вещи (слава и бесславие, богатство и бедность, сила, здоровье – словом, все то, чем могут в равной мере обладать как хорошие, так и дурные люди).

^{63} Т. е. в умственном зрении, в умозрении.

^{64} *Фаларид* – тиран Акраганта (время правления ок. 570–554 гг. до н. э.), символ изощренной жестокости. По преданию, поджаривал людей во чреве медного быка, который, казалось, мычал, когда жертва вопила от боли.

тенное судьбой, а также не растаптывать и не оглушать толпой представлений внутреннего, в груди учрежденного демона, но сохранять его благосклонным, смиренно следующим за богом, не произносящим ничего против правды и не делающим ничего против справедливости. Если же все люди не верят ему, что живет он просто, скромно, радостно, то он не обижается ни на кого из них, не сворачивает с пути, ведущего к цели его жизни, к которой он должен прийти чистым, спокойным, готовым с легкостью освободиться [от жизни], подчинившись своей судьбе без насилия [с ее стороны].

Книга IV

1. Господствующее внутри начало, если оно следует природе, так располагается по отношению к происходящему, что всегда легко подстраивается к предоставляемой возможности. Ведь оно не имеет исключительного предпочтения к какому-либо одному материалу, но устремляется к предпочтительному с оговоркой^{65}, материал же для действия, встречающийся на пути, усваивает подобно тому, как огонь охватывает все, что в него бросают, тогда как какой-нибудь маленький светильник от этого погас бы. Яркий же огонь очень быстро усваивает то, что бросают в него, пожирает и именно от этого самого материала подымается вверх.

2. Ничего не делай необдуманно и делай не иначе как по правилу, исполненному [жизненного] искусства.

3. Ищут себе уединенных мест в деревне, на берегу моря, в горах. Привык и ты сильно тосковать по этому. Только слишком уж это пошло, ведь можно в какое угодно время уединиться в себя. Ибо нигде не находит человек более спокойного и мирного убежища, кроме как в собственной душе, особенно если этот человек имеет внутри себя то, погрузившись в созерцание чего он тотчас оказывается в состоянии полного покоя. Покоем же я называю не что иное, как порядок [внутри]. Поэтому постоянно предоставляй себе такое убежище и обновляй себя самого. Пусть будут краткими и элементарными основные положения, которых, стоит им возникнуть, будет достаточно, чтобы очистить тебя от любого недовольства и вернуть назад уже не раздражающимся от того, к чему ты [постоянно] возвращаешься [мыслью]. Ведь что тебя раздражает? Порочность людей? Приняв в соображение мысль о том, что разумные существа созданы друг для другого, и что терпимость есть часть справедливости, и что ошибаются они невольно, и что сколько уже живших во вражде, подозрительности, ненависти, сварах умерли [«протянули ноги»], обратились в пепел, перестань наконец раздражаться. Но ты недоволен еще и тем, что тебе уделено целым? Так возобнови [в уме] обе возможности: либо провидение, либо атомы, и все другие доказательства, из которых явствует, что мир подобен городу. Но тебя волнует телесное? Прими тогда в соображение, что разумение, если оно однажды собрало себя [воедино] и осознало собственную силу, не смешивается с ровно или порывисто движущимся дыханием,^{66} и все, что ты слушал о страдании и наслаждении и с чем согласился. Но, может быть, тебя терзает тщеславие? Приглядись, как быстро все забывается и как зияет бездна беспредельной вечности по ту и по другую сторону твоей жизни, и как пуст [посмертный] отзвук, и как переменчиво и неразборчиво мнение тех, которые кажутся славословящими, и как узко пространство, которым ограничивается [твоя слава]. Ведь и вся земля – точка, а уж какой маленький ее уголок [составляет] это место. И потом, сколько их и каковы они, славословящие тебя? Итак, впредь не забывай об уходе в эту часть себя самого и прежде всего не разбрасывайся и не напрягайся, но будь свободен и смотри на вещи как мужчина, как человек, как гражданин, как смертное существо. А среди самых употребительных истин, к которым ты должен обратиться, пусть будут эти две. Первая – что вещи не касаются души, но стоят незыблемо вовне, сумбур же возникает только от одного внутреннего их восприятия. Вторая же – что все, что ты видишь, очень скоро подвергнется превращению и не будет больше существовать. И [постоянно размыш-

^{65} Оговорка, *hupexanthesis*, – термин стоической этики, означающий учет при совершении действия или поступка входящих обстоятельств, не зависящих от воли человека, а также сдерживание страстей и отказ от слепого повиновения им.

^{66} Согласно киренаикам и эпикурейцам, ровное и плавное движение души («дыхания») – это наслаждение, а порывистое и резкое – это страдание. Таким образом, Марк Аврелий хочет сказать, что разумение может быть выше как наслаждения, так и страдания.

ляй над тем] скольких многих превращений свидетелем ты уже был. Мир – это изменение, жизнь – восприятие.

4. Если способность мыслить объединяет нас, то и разум, благодаря которому мы [существа] разумные, у нас общий. Если так, то и разум, предписывающий то, что следует делать и чего не следует, общий. Если так, то и закон общий. Если так, то все мы причастны некоему [единому] государственному устройству. Если так, то мир подобен городу-государству. Ведь кто станет утверждать, что весь человеческий род причастен какому-то иному общему государственному устройству? Оттуда, из этого общего города-государства у нас и сама способность мыслить, и разумность, и законность. Откуда же еще? Ведь, например, часть меня, родственная земле, уделена мне от какой-то части земли, а влажное естество – от иной [материальной] основы, дыхательная часть – из какого-нибудь другого источника, а теплое и огневидное естество – из какого-нибудь соответствующего источника. Ведь ничто не возникает из ничего, как и не уходит в ничто то, что существует. Таким же образом и мыслительное естество приходит откуда-нибудь.

5. Смерть так же, как и рождение, – таинство природы. В одном случае – соединение, в другом – распадение на те же составные части. В ней совершенно нет ничего, чего можно было бы стыдиться: ведь для существа мыслительного она не выглядит ни нарушающей последовательность [соединения и распада], ни противоречащей принципу его устройства.

6. Люди такого рода неизбежно так и должны поступать в силу своей природы. Не хотеть этого – все равно что не хотеть, чтобы смоковница приносила плод. А в общем помни, что в очень скором времени и ты, и он умрете и вскоре после этого от вас [обоих] не останется даже имени.

7. Устрани мнение [что тебя обидели], устранился и обида. Устрани обиду, что тебе сделали зло, устранился и само зло.

8. То, что не делает человека хуже себя самого, не делает хуже и его жизнь и не вредит ему ни извне, ни изнутри.

9. Природа того, что приносит пользу, вынуждена делать это.

10. Помни, что все случающееся случается справедливо. Ты поймешь это, если тщательно исследуешь [этот вопрос]. Я имею в виду не только происходящее по порядку, но [именно] в соответствии со справедливостью и так, будто некое существо уделяет по достоинству. Поэтому наблюдай за этим, как уже начал, и все, что делаешь, делай таким образом, чтобы оставаться хорошим, хорошим в истинном значении этого слова. Придерживайся этого при всякой деятельности.

11. Составляй мнение о вещах не так, как судит о них твой обидчик или как он хочет, чтобы ты судил о них, но смотри на то, каковы они по истине.

12. Нужно всегда быть готовым к двум вещам: [во-первых] к тому, чтобы делать лишь то, что предписывает делать для блага людей разум царствующей в тебе и законодательствующей части, [а во-вторых] к тому, чтобы перемениться, если кто-нибудь окажется способным исправить или изменить какое-нибудь твое мнение. Однако перемена мнения должна происходить всегда от некоего убеждения в справедливости или общепользости и чего-нибудь в этом роде, а не оттого, что она выглядит приятной или приносящей славу.

13. Разум имеешь? Имею. Что ж не пользуешься? Ведь когда он делает свое дело, чего тебе еще нужно?

14. Ты возник как часть [целого]. Исчезнешь в том, кто породил тебя, точнее, будешь принят обратно посредством превращения в его оплодотворяющий [вещи] разум^{67}.

^{67} Буквально: «семенной разум». Под ним стоики понимали формообразующий смысл, который исходит от мирового разума и оплодотворяет материю, придавая вещам соответствующую форму. Под *тем, кто породил* Марк Аврелий пони-

15. Много комочков ладана на одном и том же алтаре. Один упал [в огонь] раньше, другой – позже, а разницы нет никакой.

16. Через десять дней ты будешь выглядеть богом для тех, для кого ты нынче дикий зверь и обезьяна, если возвратишься к основоположениям и почитанию разума.

17. Не живи так, будто собираешься прожить 10 000 лет. Нависает неизбежное. Пока живешь, пока есть возможность, стань хорошим *сейчас*.

18. Сколько свободного времени приобретает тот, кто не обращает внимания на то, что сказал, или сделал, или подумал о нем ближний, но лишь на то, что делает он сам, чтобы сделанное было справедливым или во всех отношениях хорошим^{68}. Не [иметь] черный нрав, не оглядываться, но спешить по прямой линии, не отвлекаясь.

19. Кто тревожится о посмертной славе, тот не представляет себе, что любой из тех, кто помнит его, очень скоро и сам умрет, а затем и тот, кто будет жить после него, пока и вся память не угаснет, пройдя через ряд имевших ее и умерших. Но предположим, что бессмертны помнящие о тебе и бессмертна сама память: что тебе от этого? Я уж не говорю о том, что для тебя, когда ты умрешь, она – ничто; но и для тебя, живущего, какое значение имеет похвала? Разве что она связана с каким-нибудь расчетом. Но ведь держась за чье-нибудь чужое слово, ты упускаешь теперь не ко времени то, что дает природа.

20. Все прекрасное, какого бы рода ни была эта красота, прекрасно само по себе и на себе замыкается, не имея похвалу своей составной частью. Ведь то, что хвалят, не становится [от похвалы] ни хуже, ни лучше. Это я говорю и о том, что принято называть прекрасным, как, например, произведения материальной природы и искусства. Но нуждается ли в чем-либо *подлинно* прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем правда, не более, чем благосклонность или благоговение. Что из всего этого делается прекрасным от похвалы или умаляется от порицания? Станет ли изумруд хуже, чем он есть от природы, если его не похвалят? А золото, слоновая кость, пурпур, лира, кинжал, цветок, деревце?

21. Если души пребывают бессмертными, как вмещает их воздух в продолжение всей вечности? А как земля вмещает тела погребенных за такой же срок вечности? Ибо как в этом случае превращение и распад тел после определенного срока пребывания [в земле] предоставляет место другим мертвым [телам], так и переместившиеся в воздух души некоторое время спустя переходят в другое состояние, рассеиваются и соединяются с оплодотворяющим все вещи разумом, будучи принятыми в него, и таким образом предоставляют место прибывающим вслед за ними [душам]. Вот что можно ответить при допущении, что души пребывают бессмертными.^{69} Следует учесть не только множество погребаемых таким образом тел, но и множество живых существ, каждый день поедаемых нами и другими животными. Ведь сколько их истребляется и таким образом как бы оказывается погребенными в телах питающихся ими? И все-таки находится для них место благодаря переходу их в кровь, благодаря превращению их в огненное и воздушное естество.

Чем выглядит в данном случае исследование истины? Делением на материальное и причинное.^{70}

мает бога, в котором заключен этот формообразующий смысл, или семенной, сперматический логос, оплодотворяющий материю.

^{68} Переводим по конъектуре К. Шмидта *kat' ha-n 'agaqTn*.

^{69} У стоиков не было единства по вопросу о бессмертии души. Второй архонт стоицизма Клеанф считал, что *все* души продолжают существовать после смерти до воспламенения мира, Хрисипп же – что лишь души *мудрецов*. Посидоний, который усвоил идеи Пифагора и Платона, считал, что душа после смерти, покинув тело, переходит в надлунный мир, где она очищается от земной скверны, а затем поднимается в высшие сферы, где в согласии со своей природой созерцает идеи и ведет блаженную жизнь вплоть до воспламенения мира. После воспламенения мир снова разделяется на сферы, и душа воплощается уже в другом теле. Марк Аврелий считает, что душа, переместившись после смерти в воздух, переходит затем из него в оплодотворяющий все вещи разум и сливается с ним, теряя свою особенность.

^{70} В связи с расцветом материализма в последние два века все время подчеркивают, что у стоиков будто бы все телесно

22. Не отвлекайся, но при любом устремлении придержишься справедливости и при возникновении всякого представления береги способность постигать.^{71}

23. Все, что подходит тебе, о мир, угодно и мне. Что приходит для тебя в свой срок, то и для меня не рано и не поздно. Все для меня плод, что приносят твои, о природа, времена. Все от тебя, все в тебе, все к тебе [возвращается]. Поэт говорит: «О, любимый Кекропов град!»^{72} А ты разве не скажешь: «О, любимый Зевесов град!»

24. «Совершай мало поступков, – говорит [Демокрит], – если собираешься сохранить хорошее расположение духа». Но не лучше ли делать необходимое и все то, что требует разум гражданственного по природе существа, и так, как он требует. Ведь это приведет дух в хорошее расположение не только от прекрасно совершенного, но и от малого дела. Потому что если отбросить как не являющееся необходимым большинство того, что мы говорим и делаем, то человек становится более свободным и безмятежным. Поэтому нужно напоминать себе в каждом деле: «Точно ли оно необходимо?» Нужно избегать не только дел, не являющихся необходимыми, но и таких же представлений. Ведь таким образом за ними не последуют вытекающие из них действия.

и материально и они будто бы преодолели дуализм духа и материи, одухотворив последнюю.

^{71} *Способность постигать*, или постигающее представление (catale – pticorn или catarle – psis) – одно из главных понятий стоической гносеологии. Для того чтобы представление было истинным, соответствующим природе вещи, человек должен убедиться, в спокойном ли состоянии его ум, достаточное ли время длился акт восприятия, подтверждается ли первое впечатление повторным, т. е. опытом. Такое представление стоики называли постигающим, каталептическим («схватывающим»). Ошибки людей, по мнению стоиков, обусловлены не внешними причинами, а тем, как сами люди относятся к объектам своих представлений. Поэтому Марк Аврелий призывает себя оберегать эту способность постижения, схватывания сути вещей.

^{72} Фрагмент из недошедшей комедии Аристофана «Селяне». Кекроп – основатель Афин. Построил Акрополь и учредил культ Афины и Зевса. Изображался со змеиным туловищем, так как был сыном земли в прямом смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания